

Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1

© Зеленов Е.И.^{a,b}, Солощева М.А.^{a,c}, 2022

^a НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Резюме. Статья представляет собой исследование китайско-африканских отношений с точки зрения теории зависимого и неравноправного развития. Цель - изучение механизма формирования группы африканских *стран-последователей* Китая, позитивно воспринимающих китайский опыт государственного управления. Авторы ставят задачи исследовать вопрос, как Китай осуществляет отбор *стран-партнеров* в Африке, как *страны-партнеры* становятся *странами-последователями* КНР и по каким критериям выстраивается рейтинг африканских стран по их важности для Пекина.

В статье рассматриваются особенности формирования в Африке блока государств, следующих в фарватере политики стран условного Запада, прежде всего, США, Великобритании, Франции, а также Италии, Испании и др. Подчеркивается, что США играют ведущую военно-политическую роль на Африканском континенте, имея в этом регионе до 500 объектов военного и смешанного назначения.

В работе проанализированы такие понятия, как *страна-партнёр* и *страна-последователь*. Выявлены две модели реализации данных форм зависимого развития применительно к странам Африки: европейско-североамериканская модель и ее китайская версия. Авторами выявлены критерии, на основе которых КНР осуществляет отбор *стран-последователей*. Сделан вывод о постепенном возрастании военного фактора в выстраивании приоритетов китайского внешнеполитического курса в Африке и переходе от стратегии мягкой силы к дискурсивной власти.

Ключевые слова: Китай, Африка, внешняя политика КНР, зависимое развитие, рейтинг африканских стран, китайско-африканские отношения страны-партнеры, страны-последователи

Для цитирования: Зеленов Е.И., Солощева М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 12-21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2

China in Africa: from *partner countries* to *follower countries*. Part 1

© Evgeny I. Zelenev^{a,b}, Maria A. Soloshcheva^{a,c}, 2022

^a HSE University, Saint-Petersburg, Russia

^a ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Abstract. The authors study Sino-African relations from the point of view of the theory of dependent and unequal development. The aim of the article is to analyze the mechanism of formation of a group of African *follower countries* of China, that positively perceive the Chinese experience of public administration. The authors set out to investigate the question of how China selects *partner countries* in Africa, how *partner countries* become *follower countries* of the People's Republic of China and by what criteria the rating of African countries according to their importance for the Heavenly Empire is built.

The article examines the peculiarities of the formation in Africa of a bloc of states following the policy of the countries of the conditional West, primarily of the United States, Great Britain, France, as well as Italy, Spain, etc. It is emphasized that the United States plays a leading military and political role on the African continent, having up to 500 military and mixed-use facilities in this region.

The authors analyze such concepts as a *partner country* and a *follower country*. Two models of the implementation of these forms of dependent development with regard to African countries have been identified: the European-North American model and its Chinese version. The authors have identified the criteria on the basis of which the PRC selects the follower-countries. The conclusion is made about the gradual increase of the military factor in the priorities of the Chinese foreign policy course in Africa and the transition from a soft power strategy to discursive power.

Keywords: China's foreign policy, dependent development, rating of African countries, Sino-African relations, neocolonialism, partner countries, follower countries

For citation: Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva. China in Africa: from *partner countries* to *follower countries*. Part 1. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 12-21. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020973-2

ВВЕДЕНИЕ

Политика КНР в Африке имеет «панафриканский» масштаб: она охватывает весь континент и прилегающие островные территории, суверенные страны и не пользующиеся полным суверенитетом зависи-

мые территории, всего - 62 субъекта. Все они фигурируют в китайской торговой или финансовой статистике¹.

Китай не участвовал в колониальном разделе Черного континента, более того - в XIX - первой половине XX вв. был объектом колониальной экспансии, в какой-то степени разделив судьбу большинства африканских стран. Это обстоятельство нашло отражение в современном китайском идеологическом проекте, призывающем выстраивать «Китайско-африканское сообщество с единой судьбой» (кит. 中非命运共同体), в соответствии с официальной идеей о необходимости создания «гармоничного мира совместного процветания» (共同繁荣的和谐世界).

Базовыми принципами этой идеологии, выдвинутой в 2005 г. председателем КНР Ху Цзиньтао, являются «шесть совместных усилий»: совместное бремя ответственности, совместное построение безопасности, взаимная выгода сотрудничества, совместное создание гармонии, совместное стремление к процветанию культуры и совместное наслаждение благополучием².

Китай выстраивает в Африке сетевую модель управления с опорой на *страны-партнёры* и *страны-последователи*, убеждая при этом африканскую и мировую общественность, что он не планирует колонизировать Африку, а устанавливает с африканскими государствами взаимовыгодные партнерские отношения по принципу *win-win* (合作共赢)³.

Концепция «гармоничного мира совместного процветания» обеспечивает китайское идеологическое обоснование правомерности создания группы африканских *стран-последователей* Китая, признающих его *страной-лидером* и разделяющих китайские принципы межгосударственных отношений и шире - глобального политического мироустройства.

Понятия *страна-лидер* и *страна-последователь* используются в статье в контексте теории зависимого развития, которая является отправной методологической точкой исследования. Эта теория имеет весьма продолжительную жизнь: истоки ее восходят к идеям немецкого экономиста Фридриха Листа [2] и развиты последователями его концепции в разных теоретических школах (бразильским политиком Фернандо Кардозо и чилийским социологом Энцо Фалетто [3], египетским политологом и экономистом Самиром Амином [4], аргентинским экономистом Раулем Пребишем [5] и др.).

Мир-системный подход американского философа и политолога Иммануила Валлерстайна также включил в себя элементы этой концепции, разделив мир на два неравных блока - ядро глобального капиталистического мира и его периферию. Современная интерпретация этой концепции встречается в работах норвежского экономиста Э.С.Райнерта [6], английского экономиста Т.Харфорда [7], американских экономистов Д.Аджемоглу и Дж.Робинсона [8].

Проблематика, увязанная с концепцией «страна-лидер, страна-последователь», присутствует в большинстве современных исследований, посвященных теории и практике постколониального развития и неоколониализма. Несмотря на кажущуюся архаичность, современные имплементации уже даже не концепции, а теории зависимости, в исследовательскую практику (см. работы Арно Тауша, Теотониу Душ Сантуша, Ю.А.Семенова, Джованни Арриги, Габриэля Пальмы, Матиаса Верненго и мн. др.) свидетельствуют не только о ее актуальности, но и, в известном смысле, перспективности. Речь идет о том смысле, который вкладывается в эти понятия современной китайской элитой, воспитанной на идеях и теориях как раз восходящих к 1950-1970-м гг., когда теория постколониальной зависимости, собственно, возникла и получила первичное развитие.

Китайские критерии отбора стран-последователей и методы взаимоотношения с ними строятся на системе факторов, объединенных общим понятием «китайских государственных интересов». В статье эти факторы будут именоваться *измерениями влияния*, а сформированные на их основе рейтинги африканских стран - *матрицами влияния*, наложение которых друг на друга позволит моделировать обобщающие рейтинги (*генеральные матрицы влияния*), делая их динамичными с помощью введения повышающих или понижающих коэффициентов применительно к отдельным измерениям влияния.

Структура статьи обусловлена задачами, которые авторы ставят перед собой:

1. Исследовать исторически более длительный, чем китайский, опыт «условного Запада» по колониальному, постколониальному и неоколониальному «освоению» Африки, рассмотреть геополитические интересы главного политического актора в этой части мира - США и их союзников по блоку НАТО в Африке, с которыми КНР вступила в конкурентную борьбу за влияние на Черный континент.

2. Проанализировать китайское проникновение в Африку в XXI в., применив систему измерений влияния и сформированных с их помощью матриц влияния; определить, как выглядят сегодня китайские при-

¹ См.: Statistical Yearbook of China 2021. (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (accessed 24.04.2022)

² <http://en.people.cn/90001/90780/91342/6824821.html> (accessed 19.01.2021); [1].

³ https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1593686.shtml (accessed 10.10.2021)

оритеты в Африке и как формируется рейтинг стран-последователей КНР в Африке по их реальному и потенциальному значению для Поднебесной.

МОДЕЛЬ «СТРАНА-ЛИДЕР» И «СТРАНА-ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ»: ЗАПАДНАЯ ВЕРСИЯ

В XIX - начале XX вв. колониальные гиганты того времени (Великобритания, Франция, Испания, Италия, Португалия, Бельгия и, наконец, до 1919 г. Германия и Османская империя) вели острую, порой вооруженную, борьбу за империалистический раздел Африки, получивший название «*Scramble for Africa*» (Драка за Африку).

После Первой мировой войны произошел передел африканских колоний, а после II мировой войны - практически полная деколонизация Африки⁴. Многие из суверенных африканских государств, не сумев самостоятельно преодолеть отсталость, сохранили политические связи с метрополиями, выбрали зависимый путь развития и позднее стали их *странами-последователями*, но уже на новой неокOLONIALной основе. Часть африканских стран, вставших под влиянием СССР на путь т.н. «некапиталистического развития», к 1990-м гг. оказалась в маргинальном сегменте глобального экономического развития. В начале XXI в. страны этой группы, следуя примеру большинства африканских государств, начали активно примерять на себя роль *страны-последователя*.

Сегодня практически все государства Африки в попытках решить комплекс проблем, именуемых кратко социально-экономической отсталостью, взяли на вооружение доктрину зависимого развития, и, действуя в соответствии с постулатом Фридриха Листа [9], уже нашли себе *страну-лидера*, чаще не одну, а несколько стран-лидеров одновременно - современный тренд, своеобразная диверсификация геополитических и геоэкономических интересов, что стало возможно после краха биполярного мира в конце XX в. *Страна-лидер*, со своей стороны, старается замаскировать существующее ущемление суверенитета и очевидное неравноправие взаимоотношений со *страной-последователем*.

Наиболее впечатляющий список африканских *стран-последователей* имеют старые колониальные державы - Великобритания, Франция и, безусловно, неокOLONIALные США. Некоторое влияние сохраняют в Африке бывшие страны-колонизаторы - Италия, Испания, Португалия и Бельгия⁵.

Великобритания опирается в африканской политике на механизмы Содружества, в частности, на Деловой совет Содружества и Фонд Содружества, объединяющие 17 государств Африки к югу от Сахары [11]. Франция опирается в Африке на страны франкофонной зоны⁶, используя в качестве инструмента франк КФА⁷, который объединяет 14 стран Западной и Центральной Африки, часть которых доверила хранение своего золотого запаса Национальному банку Франции [11]. Африканскими *странами-последователями* также стремятся обзавестись Бразилия, Индия, Катар, КНДР, КСА, ОАЭ, Республика Корея, Турция и Япония.

Безусловно, главенствующие позиции в Африке занимают сегодня США - ведущая страна по накопленным прямым инвестициям в африканскую экономику (\$47 млрд на начало 2020 г.) и главный оппонент Китая в Африке (\$43,39 млрд на начало 2020 г.)⁸. Континент буквально опутан сетью американских объектов и логистических пунктов военного или двойного предназначения, число которых на континенте приближается к 500 [12]. На сегодняшний день у США в Африке объектов прямого военного назначения - более 60 и свыше 6 тыс. военнослужащих. Все они находятся в подчинении Африканского командования вооруженных сил США (AFRICOM, АФРИКОМ)⁹.

В 2019 г. председатель Комитета сената США по вооруженным делам Дж. Инхоф приравнял соперничество США и КНР в Африке к «подготовке к Третьей мировой войне», а командующий AFRICOM генерал С.Тансенд заявил, что поскольку цели КНР и России по укреплению своих позиций в Африке аналогичны це-

⁴ Незначительные анклав и зависимые территории на Африканском континенте сохранили Испания, Великобритания, Франция и Португалия (*прим. авт.*).

⁵ Во внешней политике России также наметились 5-6 приоритетных африканских стран из числа тех, с которыми существует достаточно высокий уровень отношений. Подробнее см: [10].

⁶ Страны-последователи Франции: афро-арабские - Алжир, Тунис, Мавритания, до некоторой степени Марокко, а также страны Южнее Сахары - Габон, Буркина Фасо, Чад, Мали, Нигер, Сенегал, Кот-д'Ивуар, ЦАР, Джибути, Коморы и некоторые другие (*прим. авт.*).

⁷ Центральноеафриканский и западноафриканский франки КФА (КФА ВЕАС и КФА ВСЕАО) - денежные единицы 14 африканских стран. Камерун, Республики Конго, Габон, Экваториальная Гвинея, ЦАР и Чад - зона КФА ВЕАС; Бенин, Буркина Фасо, Кот-д'Ивуар, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал и Того - зона КФА ВСЕАО (*прим. авт.*).

⁸ Statistical Yearbook of China 2021; Direct investment position of the United States in Africa from 2000 to 2019. Statista Research Department. 9.12.2020. www.statista.com/statistics/188594/united-states-direct-investments-in-africa-since-2000/ (accessed 27.12.2021)

⁹ US Africa Command создано в 2006 г., штаб-квартира в Штутгарте. Имеет сеть из более 60 аванпостов в 34 государствах Африки, количество американских дипмиссий в регионе - 50. См.: [13].

лям США, то Китай следует рассматривать как «врага номер один», а РФ - как «врага номер два» на Африканском континенте¹⁰.

Если для России, чей товарооборот с Африкой более чем в 10 раз меньше китайского, американское заявление звучит, скорее, как комплимент, чем как угроза, то для КНР с её глубокой вовлеченностью в африканские дела - это грозное предупреждение, не реагировать на которое Пекин просто не может. В связи с этим в Китае внимательно изучают американский подход к африканским проблемам, в частности, взаимоотношения США со своими *странами-последователями*.

США применяют к Африке «четырёхячеечную» структуру приоритетного деления африканских государств:

- первая, самая приоритетная ячейка, - пояс стран Северной и Восточной Африки, включающий регион Большого Африканского рога (в целом, этот пояс совпадает с очертаниями китайского «Морского Шелкового пути XXI века»):

- вторая ячейка - уже не зоны и регионы, а отдельные страны - «региональные и субрегиональные сверхдержавы»: региональные (общеафриканские) сверхдержавы - Нигерия и ЮАР, субрегиональные сверхдержавы - Алжир, ДРК, Сенегал, Эфиопия, Египет;

- третья ячейка - страны с исключительными природными ресурсами - нефтедобывающие страны Гвинейского залива, Ботсвана, Намибия и некоторые другие;

- четвертая ячейка - остальные страны Африки, по умолчанию «неприоритетные». Если страна оказывается в двух или трех первых ячейках одновременно, то ее роль в глазах США заметно возрастает. Об этом свидетельствует, например, повышение в 2019 г. внимания США к Алжиру и Эфиопии [12].

При президенте Д.Трампе произошла некоторая деприоритизация Черного континента во внешней политике США - при администрации Дж.Байдена структура американских приоритетов в Африке, в целом, была восстановлена в том же виде, как и в период президентства Барака Обамы. Это подтверждает обращение Дж.Байдена к африканским лидерам 5 февраля 2021 г., приуроченное к 34-му саммиту Африканского Союза (подробнее см.: [19]).

На сегодняшний день у США в Африке 7 приоритетных стран: две региональные супердержавы - **Нигерия** и **ЮАР** и пять субрегиональных - **Алжир, ДР Конго, Сенегал, Эфиопия, Египет**.

МОДЕЛЬ «СТРАНА-ЛИДЕР» И «СТРАНА-ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ»: КИТАЙСКАЯ ВЕРСИЯ

Китайская модель создания союзов «лидер-последователь» отличается от моделей США и их европейских союзников, поскольку Китай, по крайней мере, на словах, ищет не покорности, а партнерства на основе взаимовыгодного сотрудничества.

Подчеркнем, что выстраивая двусторонние отношения, Китай стремится гуманизировать свою внешнеполитическую идеологию, продемонстрировать ее органичность условиям различных регионов мира, включая Африку. Успешность этих намерений подтверждают многие африканские официальные лица, например, экс-министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоана-Машабане связал китайскую инициативу «Один пояс - один путь» с принятой Африканским Союзом в 2015 г. «Повесткой дня - 2063» («*Agenda 2063*»).

В соответствии с его заявлением, китайская инициатива существенно перекликается с Программой инфраструктурного развития Африки (*Program for Infrastructure Development in Africa*), а китайская политическая философия имеет много общего с *убунту* - одним из основополагающих принципов современной ЮАР, «человечности по отношению к другим» или «веры во вселенские узы общности, связывающие все человечество» [14].

Рассмотрение гуманитарного аспекта китайской внешнеполитической идеологии выходит за рамки данной статьи, однако, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что именно этот аспект делает китайскую внешнеполитическую доктрину узнаваемой и самобытной.

После 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин дополнил вышеназванные «шесть совместных усилий» Ху Цзиньтао 3 новыми официальными принципами китайской внешней политики в Африке:

1. Партнерство в стратегии беспроигрышного развития по принципу *win-win* в рамках геополитической бинарности Юг-Юг и сопряжения проекта «Пояса и пути» со стратегией Африканского Союза «Повестка дня до 2063 г.» [14].

2. Предельная открытость и сотрудничество, исходя из приоритетности интересов африканских стран, на основе не только двусторонних, но также и трехсторонних и многосторонних союзов государств, если этого пожелают африканские партнеры.

¹⁰ <https://news.usni.org/2019/04/02/africom-nominee-russia-china-making-major-strategic-inroads-africa> (accessed 24.03.2022)

3. Принцип «мультилатерализма» - равных прав и привилегий, направленный против мер государственного протекционизма, односторонних санкций, запугивания и «менталитета столкновения цивилизаций»¹¹.

Развитие китайско-африканских отношений курируют минимум три китайских министерства: МИД, Министерство коммерции (МК) и Министерство культуры и туризма (МКТ).

Посольства КНР охватывают своей деятельностью 53 африканских государств¹², в каждом действуют канцелярии по торгово-экономическим вопросам во главе с советниками, находящимися в непосредственном подчинении Министерства коммерции (МК). Претворение в жизнь выработанных руководством КНР решений по китайско-африканским отношениям находятся под патронажем двух департаментов МИД (Департамента стран Западной Азии и Северной Африки и созданного в 2017 г. Департамента стран Африки) и четырех департаментов МК, прежде всего, Департамента стран Западной Азии и Африки. С начала 2000-х действенным инструментом двусторонних отношений являются регулярные заседания Межправительственных комиссий (МПК) с отдельными странами.

В особых формах, продиктованных спецификой данных ведомств, в африканской политике КНР участвуют Министерство национальной обороны и Министерство государственной безопасности, а также ряд специальных служб, многие из которых засекречены либо включены в структуры государственных органов управления под условными наименованиями, например, Ханьбань, Комитет ВСНП по делам хуачао и др.

Сегодня КНР в Африке преследует две главные цели: во-первых, удовлетворить насущные экономические потребности и, во-вторых, сформировать блок *стран-последователей* из числа наиболее, с китайской точки зрения, полезных для Пекина африканских государств.

Авторы статьи предлагают преобразовать вышеназванные цели КНР в Африке и отражающие их китайские национальные интересы в этой части мира в 5 групп факторов, именуемых «измерениями влияния». В процессе исследования по 5 измерениям влияния нами были составлены 5 сводных статистических таблиц, именуемых в статье «матрицами влияния», каждая из которых включает в себя информацию по всем 54 суверенным государствам Африки.

После формирования пяти матриц влияния авторы приступают к синтезу полученной информации, т.е. сводят исходные данные в генеральную матрицу влияния, которая позволяет выстроить рейтинг африканских государств по степени их важности для КНР.

Каждая из 5 матриц влияния формируется с помощью ряда факторов, например, геополитическая матрица влияния включает в себя сведения по нескольким параметрам, таким как географический (местоположение, площадь территории и наличие выхода к океану), демографический (численность, плотность населения), транспортно-логистический и диаспоральный факторы.

Первое место, которое занимает геополитическая матрица влияния, отражает важную тенденцию, наметившуюся в развитии КНР после 2013 г., когда с приходом к власти Си Цзиньпина геополитическое измерение во внешней политике КНР стало приоритетным.

Другие измерения, следующие за геополитическим, расположены в порядке, который соответствует основным этапам исторического развития китайского проникновения в Африку в период между 2000 и 2022 гг. [15]:

- торгово-экономическое и связанные с ним ресурсные измерения, которые имели приоритет во внешней политике КНР в Африке в период с 2000 по 2006 гг.;
- финансово-инвестиционное, получившее приоритетное развитие после 2006 г.;
- военное, значение которого стало расти с приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г., и особенно усилившееся после 2017 г. - открытия первой зарубежной военной базы КНР в Джибути;
- культурно-идеологическое измерение.

В тексте статьи приведены таблицы по африканским странам, занимающим по каждому из измерений первые 10 позиций. Полные сведения по всем 54 африканским странам, объединенные в 5 матриц влияния и Генеральную матрицу влияния, доступны читателям по нижеприведенной ссылке¹³.

Генеральная матрица влияния, полученная в результате нашего исследования, не будет отражать субъективного китайского отношения к африканским странам, т.к. не учитывает личностного фактора, а именно - субъективного отношения руководства КНР к отдельным африканским лидерам, равно как и отношения отдельных африканских лидеров с нынешним руководством Китая.

¹¹ http://english.scio.gov.cn/topnews/2019-07/01/content_74938721.htm (accessed 24.11.2021)

¹² Диппредставительства КНР нет только в Эсватини и Западной Сахаре (*прим. авт.*).

¹³ См.: Зеленеv Е.И., Солощевa М.А. Генеральная матрица влияния. <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1687TFL48LQRSBPQ10IEMTyNQ6EsLHdO3MkDtTfkf-Y/edit> (accessed 24.04.2022)

Авторы статьи подчеркивают объективистский характер полученных результатов, которые не только фиксируют положение, сложившееся де-факто в данный момент, но и позволяют делать научно обоснованные предположения о будущем китайско-африканских отношений.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

Как отмечалось выше, после 2013 г. геополитические приоритеты КНР в Африке существенно выросли. На сегодняшний день геополитический фактор в китайской внешней политике в Африке сохраняет в целом прагматическую зависимость от китайских торговых, финансово-инвестиционных и логистических интересов, причем последние оказались особенно тесно связаны с геополитическими. За редким исключением (Южный Судан, Зимбабве, Джибути) геополитический интерес КНР в Африке находится в прямой зависимости от экономической выгоды, в первую очередь, частных компаний. Там же, где геополитический фактор преобладает над экономическими интересами, что обусловлено историческими обстоятельствами проникновения Китая в эти страны¹⁴, КНР несет очевидные экономические потери, минимизация которых составляет, на наш взгляд, главную задачу внешней политики Пекина.

Что касается большинства африканских стран, геополитическое измерение по отношению к ним со стороны КНР носит рамочный характер, лишь весьма поверхностно корректируя китайские фундаментальные экономические интересы. В качестве примера приведем Эфиопию, где у Китая имеются значительные экономические интересы, но даже в этом случае китайская вовлеченность в острый межэтнический конфликт в этой стране, обострившийся после 2020 г., практически не фиксируется внешними наблюдателями. Что касается геополитических инструментов китайского влияния на данный конфликт, то, даже если они есть, китайская сторона их тщательно скрывает.

Для достижения своих геополитических целей в Африке Китаем была последовательно разработана бинарная конструкция - созданный в 2000 г. «Форум сотрудничества Китай-Африка» (*FOCAC*), запускающий механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР, и инициатива нынешнего председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс - один путь» (ОПОП), озвученная им в первый же год пребывания у власти (2013 г.). Подписание соглашений в рамках ОПОП де-факто «оформляет членство» в клубе *стран-последователей* Китая, закрепляя их в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически.

В форме *FOCAC* на регулярной основе участвуют все 53 африканские государства, установившие с КНР дипломатические отношения. Таким образом, количество африканских стран, которые уже сейчас, так или иначе, находятся в орбите китайского политического внимания, близко к 100%. Именно среди них следует искать потенциальные *страны-последователи* КНР в Африке.

Важная особенность отношений КНР со странами Африки, с геополитической точки зрения, сформулирована в «Коллективном заявлении стран-участниц *FOCAC* 2019 г.». Согласно п. 8 этого заявления, для КНР предпочтительным форматом сотрудничества с африканскими странами, наряду с двусторонними, становятся трехсторонние и многосторонние отношения. Это означает, что с 2019 г. КНР готова к формированию в Африке многосторонних союзов на принципах взаимной выгоды и равенства прав и привилегий - мультилатерализма.

Иными словами, речь идет о создании как экономических, так и военно-политических блоков, объединенных общими государственными интересами, включая интересы государственной безопасности. Один из таких блоков уже сейчас находится в стадии формирования - КНР-Джибути-Эфиопия-Судан-Южный Судан, но это - будущее, а в настоящем происходит последовательное накопление потенциала бинарных блоков «лидер-последователь».

Например, Китай уделяет пристальное геополитическое внимание трем странам, расположенным в разных африканских субрегиональных системах, - Мозамбик, Ангола, Зимбабве. Потенциальное объединение этих трёх стран под эгидой КНР позволит создать ось, отделяющую Южную Африку от остального Африканского континента. На современном этапе КНР не проявляет геополитических намерений создать подобный блок, но укрепляет и наращивает взаимодействие с каждой потенциально входящей в него страной.

Подчеркнем сетевой (т.е. панафриканский) характер китайских геополитических интересов в Африке, в принципе исключаяющий сколько-нибудь значительные регионы по периметру Африканского континента,

¹⁴ Зимбабве - первая африканская страна, выразившая полную готовность поддержать китайские инициативы в Африке. В случае Южного Судана особое значение имел фактор мирового общественного мнения, под влиянием которого КНР стала политическим спонсором выделения Южного Судана в независимое государство (*прим. авт.*).

которые можно рассматривать как неприоритетные для КНР. Так, в **Северной, Центральной и Западной Африке** соглашения подписали все государства, т.е. в этой части континента охват китайским проектом стопроцентный. В странах **Южной Африки** соглашение не подписано лишь Эсватини (не имеющей дипломатических отношений с КНР), ее территория занимает менее 1% площади региона, а население - менее 2% населения Южной Африки. В странах **Восточной Африки** соглашения подписаны 18 из 20 государств. Не затронутые китайским проектом ОПОП страны (Малави и Маврикий) занимают 1,7% территории региона, в них проживает менее 5% его населения.

Важное значение внутри геополитического измерения влияния имеют **диаспоральные показатели**. По разным оценкам (точную статистику по этому вопросу КНР не публикует), на сегодняшний момент в Африке проживает более 1 млн китайских граждан [16]. В Китае проводятся масштабные кампании по набору желающих отправиться на работу в Африку. Этому способствует государственная инвестиционная деятельность по финансированию строительства крупных логистических, энергетических и иных инфраструктурных объектов, требующих привлечения большого количества квалифицированных кадров для их строительства и для последующей эксплуатации. Африканские страны таких кадров не имеют, поэтому в подавляющем большинстве случаев они завозятся из Китая. Преимущественно китайские кадры используют в своей экономической деятельности и китайские частные компании, действующие на Черном континенте. Африканцы привлекаются частными китайскими компаниями во вторую очередь. Есть основания допустить, что КНР уже практически два десятилетия сознательно стимулирует переезд своих граждан для работы и жизни в Африке.

Более 400 тыс. китайцев проживает в **ЮАР**, примерно по 100 тыс. - в **Анголе и Нигерии**, на 4-м месте - **Мадагаскар**, в котором китайская диаспора составляет более 60 тыс. человек, замыкает пятерку **Гана** (около 50 тыс.). Более 10 тыс. китайцев также проживают в Эфиопии, Алжире, Кении, Замбии, Гвинее, Маврикии, ДР Конго, Египте, Мозамбике, Танзании, Уганде, Республике Конго и Зимбабве. Примечательно, что Мадагаскар, занимающий в этом списке 4-е место, существенно отстаёт от стран первой пятёрки по такому показателю, как получение китайских займов и инвестиций (менее 2% от общеафриканского объема).

Ещё одним важным фактором, влияющим на геополитическое измерение, является **логистика и связанные с ней инфраструктурные изменения**. Китайская транспортно-логистическая стратегия в Африке заключается в создании транспортных коридоров, которые должны связать между собой африканские страны и саму Африку с внешним миром, прежде всего с Китаем и другими странами Азии. Прокитайский смысл африканской транспортно-логистической стратегии КНР сомнения не вызывает - Китай формирует удобную для своей торговли транспортную инфраструктуру. Инвестиции в инфраструктуру составляют более 30% всех инвестиций КНР в Африку.

Цель создания этих мультимодальных транспортных коридоров состоит в расширении логистических возможностей для беспрепятственного ввоза в Африку китайских товаров и вывоза многообразного африканского экспорта, прежде всего продукции африканских предприятий сырьевого и несырьевого профиля, а также энергоносителей¹⁵.

Вопрос в другом - как изменится Африка по мере реализации китайского транспортного проекта?

На первый взгляд, очевидно, что соединенные транспортными мультимодальными коридорами, в т.ч. и трансафриканскими, а также связанные с морскими и океанскими портами африканские страны неизбежно окажутся втянутыми в более тесное взаимодействие друг с другом и с внешним миром. Победит ли при этом логика panaфриканского объединения, за которое выступает Африканский Союз, или эгоизм отдельных африканских лидеров подтолкнет их страны к конфликтам друг с другом, в которые будут вовлекаться неафриканские страны-лидеры, сказать трудно. Ясно одно: транспортно-логистическая стратегия КНР действительно направлена на то, чтобы стимулировать развитие африканских стран в направлении их большей самостоятельности и стабильности.

Китайские инфраструктурные проекты в Африке, имеющие panaфриканский смысл и непосредственно или косвенно направленные на развитие африканских стран, неизбежно усилят противоречия между развивающимися африканскими странами и неокOLONиальными державами условного Запада.

Рассматривая китайскую транспортно-логистическую составляющую инициативы ОПОП с этой точки зрения, выделим те африканские страны, которые уже стали или в обозримом будущем станут транспортно-логистическими хабами, опираясь на которые Китай сможет существенно укреплять свое влияние, создавать тройственные союзы и межгосударственные объединения.

¹⁵ Согласно официальной китайской статистике, стоимость валовой годовой выручки от китайских инфраструктурных проектов в Африке превысила в 2018 г. \$48 млрд, что составляет 28,9% всех доходов Китая от инфраструктурных проектов за рубежом. Африка занимает по этому показателю 2-е место после Азии (53,7%) (прим. авт.).

В 2018 г. в Кении был запущен экспресс «Мадарака» по маршруту Момбаса - Найроби протяженностью 578,8 км (стоимостью в \$5 млрд). В перспективе планируется продлить построенную китайской корпорацией *China Road & Bridge Corporation* железную дорогу в Эфиопию, Южный Судан, Уганду и через Уганду - в ДР Конго, Руанду и Бурунди [17].

29 октября 2019 г. в Мозамбике прошла церемония передачи правительству страны рыболовного порта Бейра, реконструированного и модернизированного китайской компанией *China Harbour Engineering* при финансовом участии *Exim Bank of China*. В церемонии принял участие президент страны Филипе Ньюси. В декабре 2019 г. открылся порт на о-ве Ламу в Кении, построенный китайской компанией *CCCC (China Communications Construction Company)*. Порт будет обслуживать Дар-эс-Салам, Занзибар и Мапуту.

Установление контроля КНР над морскими портами¹⁶ в Восточной Африке подкрепляется участием китайского капитала в модернизации и строительстве аэропортов в ряде стран, а также транспортных путей, соединяющих порты с внутренними пространствами континента. Например, в 2018 г. был открыт после реконструкции с участием *Exim Bank of China* столичный аэропорт в Замбии. Строится грандиозный аэропорт в Джибути. КНР построил в Африке 16,5 тыс. км дорог, которые соединили Джибути, Эритрею, Эфиопию, Уганду, Танзанию, Кению, а также страны Сахаро-Сахельской зоны.

Исходя из формальных критериев участия КНР в инфраструктурно-логистических проектах, наибольший интерес с этой точки зрения представляют **Джибути и Кения**, а также **Судан, Мадагаскар, Мозамбик, Ангола, Мавритания, Нигерия** и не имеющие выхода к морю **Эфиопия, Уганда и Замбия**. Китайские геополитические интересы, очевидно, сосредоточены в Восточной Африке.

С учетом вышесказанного, предлагаем матрицу геополитического измерения влияния, основанную на следующих параметрах: численность населения страны; плотность населения; размер территории страны; валовой ВВП страны; уровень ВВП на душу населения; численность китайской диаспоры.

Место страны в рейтинге, рассчитанное на основе среднего арифметического мест по этим 6 параметрам измерения, дополнено следующими коэффициентами:

1. Наличие у страны договора с КНР в рамках ОПОП (повышающий коэффициент 1,2);
2. Расположение страны вдоль маршрута «Морского Шелкового пути XXI века» (повышающий коэффициент 1,2);
3. Отсутствие выхода к морю как коэффициент, понижающий интерес КНР в данной стране (0,7);
4. Развитие транспортно-логистической системы:
 - 4.1. Включение страны в планы по строительству трансафриканских магистралей, которые находятся в процессе строительства, - 1,1;
 - 4.2. Наличие уже действующей железнодорожной магистрали, которая соединяет 2-3 страны, - 1,2;
 - 4.3. Наличие действующей железнодорожной магистрали, которая построена при участии КНР и соединяет 2-3 страны, - 1,3;
 - 4.4. Наличие действующей железнодорожной магистрали, которая соединяет более 3 стран, - 1,3;
 - 4.5. Наличие действующей железнодорожной магистрали, которая построена при участии КНР и соединяет более 3 стран, - 1,4.

С геополитической точки зрения, де-факто приоритетными для КНР являются два африканских макро-региона - Северная и Восточная Африка. Китайские интересы в Южной и Западной Африке сосредоточены преимущественно на региональных странах-гигантах - ЮАР и Нигерия. Страны, приоритетные с геополитической точки зрения для КНР (см. табл.), формируют геополитический пояс по периметру Африканского континента. Этот пояс включает субрегионы Африки, вдоль которых пролегает китайский «Морской Шелковый путь XXI века» в двух его направлениях - средиземноморском и восточноафриканском. Кроме того, этот стратегически важный геополитический пояс совпадает с приоритетными для США пространствами в Африке, что отмечалось выше.

Наиболее слабо китайские геополитические интересы представлены в Центральной Африке. Именно в центральноафриканском субрегионе отмечено активное присутствие России (в ЦАР), что свидетельствует о стремлении РФ проводить активную внешнюю политику преимущественно в тех африканских странах, где китайское политическое влияние минимально. Аналогичный пример - Судан, где китайское влияние после отделения Южного Судана несколько ослабло, возникший вакуум стремится заполнить Россия, объявившая о намерении создать в Порт-Судане единственную на Африканском континенте российскую военно-морскую базу. При этом дружественный по отношению к КНР характер российской политики в Судане сомнений не вызывает.

¹⁶ Практика установления китайского государственного контроля над портами, аэропортами, транспортными и энергетическими объектами в странах-последователях распространена и за пределами Африки. Так, в декабре 2017 г. правительство Шри-Ланки было вынуждено передать Китаю за долги порт Хамбантота. См.: [18].

Таблица. Геополитическая матрица влияния
Table. Matrix of geopolitical impact

Страны	Параметры сравнения											Коэффициенты				Итоговое место в рейтинге	
	1		2		3		4		5		6		1	2	3		4
	Численность населения, млн чел.	Место в рейтинге	Плотность населения	Место в рейтинге	Размер территории, млн км ²	Место в рейтинге	ВВП, млрд \$ (UNSTAD), 2020	Место в рейтинге	ВВП на душу населения, \$ тыс., 2019	Место в рейтинге	Численность китайской диаспоры, тыс. чел.	Место в рейтинге	Договор в рамках ОПОР, площ.	Расположение вдоль маршрута МПП21	Наличие выхода к морю		Развитие транспортно-логистической системы*
Северная Африка																	
Алжир	43,9	9	18,4	44	2,4	1	141,8	5	3,2	13	30	7	+	+	+	1,2	5
Египет	102,3	3	102,2	16	1	12	358,3	2	3,5	9	20	13	+	+	+	1	3
Марокко	36,9	11	82,7	20	0,4	25	113,7	6	3,1	15	2	33	+	+	+	1,2	8
Восточная Африка																	
Кения	53,8	7	91,6	18	0,6	22	98,7	7	1,8	21	30	7	+	+	+	1,3	4
Танзания	59,7	5	63,2	26	0,9	13	69,5	10	1,2	30	20	13	+	-	+	1,4	7
Эфиопия	115	2	102	17	1,1	10	93,3	8	0,8	37	40	6	+	-	-	1,3	9
Центральная Африка																	
Ангола	32,9	12	26,4	39	1,2	7	59,1	13	1,8	23	100	2	+	-	+	1,4	6
ДР Конго	89,6	4	38,2	36	2,3	2	47,4	14	0,5	45	21	12	+	-	+	1,4	10
Южная Африка																	
ЮАР	59,3	6	48,6	31	1,2	9	302,1	3	5,1	7	400	1	+	-	+	1,3	2
Западная Африка																	
Нигерия	206,1	1	223,2	5	0,9	14	429,3	1	2,1	19	100	2	+	-	+	1	1

Составлено авторами по: The 2019 Revision of World Population Prospects. United Nations Department of Economic and Social Affairs. <https://population.un.org/wpp/> (accessed 17.01.2022); UNCTAD Handbook of Statistics 2021. <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed 21.03.2022); Guidelines for regional cooperation in the field of foreign investment (In Chin.). <http://fec.mofcom.gov.cn> (accessed 24.02.2022)

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Cao Ya-xiong, Meng Ying. The "Belt and Road" Initiative and the Construction of China-Africa Community with a Shared Future. *Journal of Shaanxi Normal University* (Philosophy and Social Sciences Edition. 2019, № 3. Pp. 55-64) (In Chin.)
2. List F. Das nationale System der politischen Oekonomie. Düsseldorf, 1989. 589 p.
3. Cardoso F.H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. University of California Press: 1979. 227 p.
4. Amin S. Neo-Colonialism in West-Africa. Monthly Review Press, 1975. 316 p.
5. Prebisch R. Power, Principle, and the Ethics of Development. Buenos Aires: IDB-INTAL, 2006. 126 p.
6. Reinert E. How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. Public Affairs: 2008. 400 p.
7. Harford T. The Undercover Economist. New York, 2007. 265 p.
8. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown, 2012. 529 p.
9. Henderson W.O., List F. Economist and Visionary 1789-1846. London, 1983. 308 p.
10. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. М.: Международные отношения, 2021. 142 с.
Africa: Development Prospects and Recommendations for Russia's Policy. Report. Moscow. 2021, 142 p. (In Russ.).
11. Африка: современные стратегии экономического развития. М.: Институт Африки РАН, 2016, с 280.
Africa: modern strategies of economic development. Moscow. 2016, p. 280 (In Russ.).
12. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контурсы глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 6-29.

- Fituni L.L. Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Political Processes in the Changing World*, 2019, Vol. 12, № 3. Pp. 6-29 (In Russ.).
13. Егорченков Д. Не Гамбией единой: кто колонизирует Африку. *Regnum*. 27 января 2017 г.
Egorchenkov D. Not only Gambia: Who is Colonizing Africa. *Regnum*. Moscow. January 27, 2017. (In Russ.).
<https://regnum.ru/news/2232139.html> (accessed 24.04.2022)
14. Ndzendze B., Monyae D. China's belt and road initiative: linkages with the African Union's Agenda 2063 in historical perspective. *Transnational Corporations Review*, 2019, № 11. Pp. 38-49.
15. Зеленев Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее. *Азия и Африка сегодня* 2021, № 1. С. 6. DOI: 10.31857/S032150750013956-3
Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 20 years of China politics in Africa: from the past towards future. *Asia and Africa today*. 2021, № 1. P. 6 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013956-3
16. Фитуни О.Л. К вопросу об исторической и современной численности китайской диаспоры в Африке и методологии ее количественного исследования. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020, № 1 (50). С. 14-24.
Fituni O.L. To the Issue of the Historical and Contemporary Size of the Chinese Diaspora in Africa and the Methodology of Its Quantitative Research. *Journal of Institute for African Studies*. Moscow. 2020, Pp. 14-24. (In Russ.)
17. Taylor, I. Kenya's New Lunatic Express: The Standard Gauge Railway. *African Studies Quarterly*, 2020, No. 3-4, pp. 29-52.
18. Lu Guang-sheng Ma Tian-fang. Risk of 99-Year Lease in the "Belt and Road": Origin, Effects and Responses. *Asia-Pacific Economic Review*, № 1 2020. Pp. 5-15. (In Chin.)
19. Урнов А.Ю. США - Африка. Визит Государственного секретаря Э. Блинкена в Кению, Нигерию и Сенегал (ноябрь 2021 г.). *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 3. DOI: 10.31857/S032150750019235-0
Urnov A.Yu. USA - Africa: Secretary of State Antony J. Blinken's Visit to Kenya, Nigeria, Senegal (November 2021). *Asia and Africa today*, 2022, № 3 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019235-0

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зеленев Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Evgeny I. Zelenev, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Department of Asian and African Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

Maria A. Soloshcheva, PhD (History), Associate Professor, Deputy Head, Department of Asian and African Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.04.2022

Принята к публикации
(Accepted) 18.06.2022